

УДК 93/94

И. О. Дементьев

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КЛАЙПЕДЕ
НА РУБЕЖЕ 1940–1950-х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ КЛАЙПЕДА»)¹

На основе материалов газеты «Советская Клайпедa» проанализированы особенности политики памяти, реализуемой в Клайпедe и прилегающем районе Западной Литвы во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. Указаны основные институции, отвечавшие за поддержку специфического образа прошлого в обществе периода позднего сталинизма. На примерах конкретных публикаций показано, как сосуществовали разные фигуры памяти, которые были ранее выявлены в историографии: от советской (социалистической), национальной русской и литовской до локальной.

Based on the materials of the Sovetskaya Klaipeda newspaper, this article explores manifestations of the politics of memory pursued in Klaipeda and the whole West Lithuania region during the second half of the 1940s – the first half of the 1950s. The author identifies the main institutions responsible for creating a specific image of the past in Lithuanian society during late Stalinism. Based on newspaper articles, the author demonstrates the coexistence of various figures of memory, which were earlier described in historiography: from the Soviet (Socialist) to Russian and Lithuanian national as well as local ones.

Ключевые слова: Клайпедa, Литовская ССР, поздний сталинизм, политика памяти.

Key words: Klaipeda, Lithuanian SSR, late Stalinism, politics of memory.

Клайпедский край, длительное время относившийся к германской провинции Восточная Пруссия, после Первой мировой войны непродолжительное время находился в составе независимой Литвы (1923–1939), затем был аннексирован нацистской Германией и вторично стал литовским регионом (уже в рамках Литовской ССР) в 1944–1945 гг. Вследствие административно-территориальной реформы 1950 г. границы бывшего Мемельского края были упразднены, его территория включена в укрупненную Клайпедскую область. Как и в других областях СССР, политика памяти здесь воспроизводила пропагандистские стереотипы периода позднего сталинизма. Однако «стаж» советской власти в Литве, как и в других балтийских республиках, был небольшим, и действия советских властей в ряде аспектов не находили поддержки у

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)». Автор благодарит В. Сафроновa за ценные советы.

местного населения [2; 8]. После 1950 г. в составе одной административной единицы оказались и бывшие немецкие, и национальные литовские районы (к последним относились упоминаемые далее населенные пункты Биётай, Гаргждай, Таураге, Тельшяй, Шилале и др.). Эти обстоятельства обуславливали специфику политики памяти, которая была ориентирована на довольно пеструю аудиторию — как литовцев (включая репатриантов), так и русских².

Политика памяти во вновь присоединенном регионе, наполненном следами присутствия чужой материальной культуры, выступает средством обеспечения (в том числе легитимации) символического присвоения территории. В разных частях бывшей Восточной Пруссии, разделенной между Советским Союзом и Польшей, процессы социокультурной адаптации населения имели общие черты. В. Сафроновас в компаративном исследовании Клайпеды, Калининграда и Ольштына выделяет три системы значений, которые переплетались в процессе символического присвоения бывшей Восточной Пруссии: а) всесоюзная (значения, поддерживающие советский патриотизм и лояльность компартии); б) национальная (значения литовской, польской, русской национальных культур, придающие дополнительную легитимность режиму и закрепляющие территориальные изменения 1944—1945 гг.); в) локальная (значения, приписанные материальному культурному наследию Восточной Пруссии и обеспечивающие уникальность города) [10, S. 190; 6, с. 233; 9]. Каждой системе значений соответствовали определенные практики. Первые два вида практик превалировали в послевоенные годы во всех трех городах, в период десталинизации первый стал вытесняться вторым.

В. Сафроновас показывает, что в конце 1940-х гг. в Клайпедде ненадолго усилились апелляции к СССР, советской идеологии и русской национальной культуре в противовес культуре литовской [6, с. 236]. Однако после смерти Сталина символы литовской национальной культуры (связанные в этом регионе с концепцией Малой Литвы — с именами Мартинаса Мажвидаса и Кристионаса Донелайтиса) стали главной опорой в процессе символического присвоения территории. Эти две стратегии, которые исследователь называет советско-русской и советско-литовской, сосуществовали в бывшем Мемеле [10, S. 193]. Восприятие прошлого в Клайпедде в разных чертах было сходным с аналогичными процессом в Калининграде и Ольштыне³.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют судить о том, как в советской системе использовалась пропаганда — одно из основных средств политики памяти. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1944 г., то есть за три месяца до вступления Красной

² Подробнее о движении населения в Клайпедде см. новейшую работу: [11].

³ Своеобразие клайпедского случая, по мнению исследователя, проявилось позднее — на рубеже 1960—1970-х гг., когда там сложилась специфическая расстановка сил, позволившая городским властям продемонстрировать способность «в поисках опоры угодить многим интересам, участвуя в поддержании сразу нескольких восприятий» [6, с. 264].

армии в Клайпеду, определялся круг мер «в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительной работы» в советской Литве: предполагалось направить туда квалифицированных пропагандистских работников; отобрать для учебы в Высшей партийной школе группу членов партии из числа литовцев; разрешить ЦК КП(б) Литвы издание нескольких журналов; восстановить во всех уездах издание уездных газет и организовать выпуск ежедневных листовок; выделить учебно-наглядные пособия и учебники на русском языке для школ; оснастить библиотеки, в том числе читальни в сельсоветах, оборудованием и литературой; оборудовать пункты коллективного радиослушания; выслать копии фильмов, киножурналов и кинохроник; наконец, выпустить к 1 февраля 1945 г. документальный фильм об освобождении Литовской ССР [5].

В целом источниковая база для изучения политики памяти далека от полноты — исследователю трудно оценить, например, впечатления читателей газет, зрителей кинофильмов, слушателей радиопередач и лекций, учащихся школ и других учебных заведений. Не так легко определить степень влияния средств массовой информации или искренности реакции их аудитории. Однако общий вектор пропагандистских усилий по формированию определенных представлений о прошлом можно реконструировать по материалам периодической печати, которая находилась под строгим контролем со стороны властей. Материалы прессы помогают понять, во-первых, каковы были каналы трансляции официального дискурса о прошлом; во-вторых, как эволюционировали стратегии интерпретации прошлого; в-третьих, где проходили границы дозволенного в репрезентации истории специфического региона.

Настоящая статья основана на материалах газеты «Советская Клайпеда», которая издавалась на двух языках — русском и литовском (насколько можно судить по сверенным мною выборочно разноязычным номерам, публикации были идентичными). Изучены номера за 1945–1956 гг., хранящиеся в фондах Литовской национальной библиотеки им. М. Мажвидаса и Клайпедской областной публичной библиотеки им. Е. Симонайтите. Хронологические рамки исследования отражают специфику политического процесса в поздне- и послесталинском СССР (до XX съезда КПСС), охватывая оба выделенных В. Сафроновасом периоды: и грубое навязывание советского взгляда на прошлое, и начало оттепели с адаптацией национальной культуры к советской системе.

Первый номер «Советской Клайпеды» датирован 7 ноября 1945 г., газета была учреждена как орган Клайпедского горкома КП(б) Литвы и городского совета депутатов трудящихся. С 20 октября 1950 г. она стала органом Клайпедского обкома КП(б) Литвы, с 23 ноября 1950 г. — органом Клайпедского обкома и горкома КП(б) Литвы (с октября 1952 г. — просто КП Литвы), областного и городского советов трудящихся, а с июня 1953 г. — органом Клайпедского горкома КП Литвы и горсовета депутатов трудящихся. Хотя газета имела четыре (первоначально две) полосы, оригинальных материалов насчитывалось немного — большую часть объема занимали перепечатки из центральных изданий. Уже в

тексте передовицы в первом номере был четко сформулирован канонический взгляд на прошлое: «Литовскому народу навсегда возвращен его исконный город — Клайпеда» [7, 1945, 7 ноября, с. 1].

Круг публичных институтов, которые наряду с самой газетой играли роль в реализации политики памяти, был довольно широк: другие периодические издания (в том числе стенгазеты на предприятиях, почти полностью, вероятно, утраченные), просветительское общество, школы, библиотеки (в колхозах — клубы-читальни), краеведческие музеи.

Общество по распространению политических и научных знаний имело отделы в населенных пунктах. Об их работе газета писала на удивление мало, хотя один случай представляется любопытным. В мае 1953 г. подвал газетной полосы посвящался разоблачению председателя правления Таурагского отдела общества Юозаса Хольшанскиса, склонного к «политическим извращениям». «Кто он, сей руководитель? — вопрошал автор статьи. — Его отец Альбинас Хольшанскис, арендуя землю у крупных помещиков, скопил себе капитал, выстроил два дома в Тельшяй (по ул. Бируте), национализированные в годы советской власти. Сам Юозас Хольшанскис во время гитлеровской оккупации работал помощником прокурора Шяуляйского округа» [7, 1953, 19 мая, с. 2]. О последствиях публичного доноса газета уже не информировала. Сам по себе этот прецедент, однако, заставляет думать не только о возможной кадровой преемственности между режимами, но и о кадровом голоде на местах в процессе осуществления пропагандистской работы.

Задачи по воспитанию советского патриотизма, естественно, ставились перед системой просвещения. Учитель Таурагской средней школы №1 делился методическим опытом демонстрации благотворного воздействия дружбы народов на экономическое и культурное развитие Литвы: «Преподавателю истории необходимо обстоятельно рассказывать об огромном влиянии великого русского народа на историческое прошлое и настоящее литовского народа» [7, 1950, 13 дек., с. 3]. Характерно, что в критике буржуазного строя учителям предлагалось опираться на повседневный опыт общества. В Шилутском районе, например, это происходило так: «Преподаватель показывает, как раньше в Литве буржуазные суды продавали с молотка крестьянские хозяйства, приводит к этому конкретные примеры из ближайших деревень. Таким образом, ученикам становится яснее превосходство советского суда над буржуазным» [7, 1952, 19 марта, с. 2]. Также официальный взгляд на прошлое воспроизводился в ходе лекций и семинаров для разных аудиторий — от студентов и преподавателей учительского института до лекторов по антирелигиозной пропаганде.

Иногда газета уделяла внимание краеведческим музеям, основной задачей которых было поддержание специфической памяти о прошлом. Головной музей в Клайпеде (первоначально он определялся как «городской музей возрождения Клайпеды» [7, 1946, 3 марта, с. 2]⁴⁴) счи-

⁴⁴ Еще в начале 1948 г. в газете был напечатан призыв к городским властям объявить сбор экспонатов для городского музея. «Любовь к своему городу... — это важная часть огромного всеобъемлющего чувства советского патриотизма», — подчеркивалось в письме [7, 1948, 27 янв., с. 3]. Музей был образован 22 июля 1948 г. постановлением Совмина СССР [7, 1948, 14 сент., с. 3].

тался самым молодым в республике, поскольку его предшественник, как утверждалось, был полностью уничтожен немцами во время войны [7, 1956, 9 марта, с. 4]. Читателям предлагалось следующее восторженное описание: «Стены и потолок первого зала расписаны в национальном литовском стиле. Бросаются в глаза стенды. Они отражают рост промышленности города и сельского хозяйства Клайпедского уезда» [7, 1950, 9 июня, с. 2]. В историческом отделе музея рассказывалось о быте и культуре города в прошлом, «о борьбе трудящихся за свое освобождение». Особое внимание уделялось археологической коллекции, в которую входили «орудия каменного века – 36 каменных молотков и кремневых ножей». Пополнение фондов нередко осуществлялось с помощью самих горожан: «Работник городского финансового отдела И.И. Видунас подарил музею рога древнейшего животного, некогда обитавшего на балтийском побережье, т. Тверионас – кость мамонта».

97

Руководство музея также подвергалось критике за недостатки экспозиции: мало изделий из янтаря, мало документов, показывающих город в первые дни после освобождения, «совсем не отображена героика советских воинов... Нет материалов, которые бы рассказывали о борьбе литовского народа за воссоединение Клайпеды с родной Литвой» [7, 1950, 9 июня, с. 2]. Руководство вяло критике, и уже через два года корреспондент с удовлетворением отмечал, что в экспозиции появились стенд о «восстановлении Советской власти» в Литве в 1940–1941 гг. и витрина об освобождении и послевоенном восстановлении города [7, 1952, 10 мая, с. 3].

Музеи массово возникали и за пределами уездного центра. В 1945 г. был восстановлен краеведческий музей в деревне Биётай (Скаудвильский район), в основу которого был положен баублис – домик в душе старого дуба, созданный литовским писателем Дионизом Пошкой в 1812 г. В этом домике, отмечала газета, «Пошка собрал свою коллекцию археологических находок» [7, 1951, 29 авг., с. 2]. Приписанный к колхозу, музей также располагал частью экспозиции в деревенской школе, включал предметы быта и орудия труда XVIII–XIX вв. [7, 1953, 10 мая, с. 3]. Однако такие музеи были исключением, в первую очередь они создавались с целью воспитания трудящихся в духе коммунизма. Тельшяйский краеведческий музей, показывавший борьбу народа за советскую власть в 1918–1919 гг. и в годы буржуазной диктатуры, а также успехи в социалистическом строительстве, снискал похвалу [7, 1952, 24 сент., с. 3], а вот краеведческий музей в Шилуте подвергся острой критике (материал назывался «Музей, отстающий от жизни»): «В музее не найдешь ни одного экспоната, отражающего влияние героического русского рабочего класса на рабочее движение в Литве... Нет ни одного экспоната, показывающего борьбу трудящихся Клайпедского края и Шилутского района под руководством компартии Литвы против капиталистического и помещичьего ига, за советскую власть» [7, 1953, 24 марта, с. 3]. Ни крестьянские бунты, ни успехи коллективизации, ни достижения передовиков, ни даже развитие художественной самодеятельности, по мнению корреспондента, не получили отражения в экс-

позиции. Директор Ионайтис прямо обвинялся в формальном отношении к постановлению ЦК КПЛ об улучшении работы краеведческих музеев во всей республике.

По публикациям в газете можно судить о том, как поддерживались и менялись системы значений, выделенные В. Сафроновасом. Первая система выражалась в подчеркивании роли Победы над Германией в истории города и успехов в строительстве социализма. В дискурсе о прошлом доминировали понятия «освобождение от гитлеровских захватчиков / немецко-фашистской нечисти», «восстановление» («возрождение из пепла и развалин»). Неоднократно описывалось, как фашисты, понимавшие значение города, «взорвали ряд гидротехнических сооружений, основные склады, элеватор, холодильник, сооружения судоремонтной верфи» [7, 1950, 28 янв., с. 3; см. также: 7, 1954, 9 марта, с. 3]. На смену мрачной картине руин и завалов, которая представлялась типичной на конец января 1945 года⁵, приходили новые образы — «новые дома, улицы, скверы» [7, 1951, 13 мая, с. 3]. Публикациям свойственен общий пафос обновления, причем особо оговаривалась личная роль И. В. Сталина в обеспечении успехов в восстановлении города [7, 1951, 2 февр., с. 3].

Классовый подход безраздельно господствовал в интерпретации истории Клайпедского края первой половины XX в. Трактовку периода 1917–1923 гг. хорошо иллюстрирует заголовок, предпосланный тематическому развороту номера за 27 апреля 1952 г.: «Дикий разгул и злодеяния американо-английских империалистов в Клайпедской области в 1917–1923 гг. Факты и документы, раскрывающие подлое лицо заклятых врагов литовского народа»⁶. Нарратив строился так: демонстрации трудящихся под лозунгами изгнания немецких оккупантов спровоцировали английскую интервенцию в декабре 1918 г. Действия трудящихся вызывали тревогу у городской буржуазии, помещиков, кулачества, «реакционного католического духовенства» и главарей буржуазных националистов, среди которых выделялись «банды кровавого лакея англо-американских империалистов, бывшего царского офицера Повиласа Плехавичюса» [7, 1952, 27 апр., с. 2]. В результате «белого террора» иностранные империалисты навязали контроль Антанты над Клайпедой, после чего в январе 1920 г. в город прибыл французский военный десант, начавший с помощью кайзеровских чиновников и американского оружия расправу над трудящимися. Инфляция, принесенная новой *оккупацией*, привела к подъему стачечного движения. С 1924 г. властью в городе завладели «литовские буржуазные национа-

⁵ «Что прежде всего бросилось в глаза после освобождения родного города? Руины. Куда ни глянешь, одни развалины были. За эти пять лет Клайпеда стала неузнаваемой», — писали в январе 1950 г. работники фабрики «1 мая» [7, 1950, 12 янв., с. 3]. «Но не успели еще потухнуть огни пожаров, не успели еще минеры разминировать уцелевшие дома, как в город пришла новая жизнь, принесшая с собой радость и счастье» [7, 1956, 29 янв., с. 3].

⁶ Публикация прямо отсылала к внешнеполитическому контексту — войне в Корее.

листы», которые и не думали о благосостоянии края: «Они продали литовскую столицу Вильнюс, в 1939 – единственный порт Клайпеду и готовились продать гитлеровским оккупантам всю Литву» [7, 1952, 27 апр., с. 2].

История Клайпедского края до 1940 г. под властью националистов («годы господства буржуазии», «буржуазное время», «период буржуазной диктатуры») рисовалась исключительно в мрачных тонах. Бедняки и батраки в деревне страдали от эксплуатации со стороны немцев и литовских кулаков. В материале с красноречивым названием «В литовской деревне до 21 июня 1940 года» эксплуататоры перечислялись пофамильно: «Немецкий барон фон-Вольме, помещик Яшинкас, кулаки Тулейкис, Кудис владели 15 тысячами гектаров самой лучшей земли в нынешней Гаргждайской апилинке Клайпедского района» (была вне Мемельского края на 1940 г.) [7, 1950, 20 июля, с. 2].

Присоединению Литвы к СССР в 1940 г. уделялось меньше внимания, чем победоносному январскому штурму 1945 г., поскольку Клайпедский край не входил на 1940 г. в состав аннексируемой республики. Однако некоторая связь между аншлюсом Клайпедского края и торжеством советской власти в Литве постулировалась: «По первому окрику Гитлера сметоновская клика “уступила” фашистской Германии свой единственный порт Клайпеду, лишив Литву выхода в море. Но переполнилась чаша терпения. Собрав свои силы, литовский народ вышвырнул сметоновских правителей, поднял знамя советской власти и присоединил свою республику к великому Советскому Союзу» [7, 1950, 21 июля, с. 3].

Дискурс о прошлом края также воспроизводился в художественной литературе, хотя произведений, вероятно, было немного. В рецензии «Новая книга о прошлом Клайпедского края» рассказывалось о романе «Пикчюрнене» Евы Симонайтите [7, 1953, 8 июля, с. 3]. Эпопея охватывала период между Первой мировой войной и приходом Гитлера к власти. Хотя классовая борьба изображена, по мнению рецензента, поверхностно, в целом в романе ярко показано обострение классовых противоречий, разоблачены враги (кулаки, помещики, националисты) и их поделники – американо-англо-французские империалисты. Помещица Пикчюрнене разбогатела во время войны, и ее сын, естественно, отправился на службу гитлеровцам. Положительные герои романа – рабочие, руководители революционного движения во главе с коммунистом Бублисом. Интерпретация процесса установления советской власти, отвечающей интересам литовского народа, на клайпедском материале полностью разделяла установки, в целом характерные для советской идеологии в Литве (см.: [8, с. 173–174]).

Сравнения довоенной Литвы и Литвы советской стали лейтмотивом газетных публикаций: неизменно констатировалось превосходство социалистической экономической системы над буржуазной с точки зрения как эффективности, так и национальных интересов. Лесопильным заводом в Ретавасе владел капиталист Розенгейм, безжалостно эксплуатировавший рабочих, в годы советской власти завод перешел в собственность «всего народа» – после войны к работе на заводе приступили и члены ВКП(б) Чюжялисы, участвовавшие в забастовке 1936 г. [7, 1952,

16 сент., с. 3]. Клайпедский порт межвоенного периода служил придатком иностранных капиталистических монополий, а советский порт Клайпеда служит народу [7, 1955, 28 янв., с. 3]; народ теперь распоряжается крупными промышленными предприятиями, которые в довоенном Мемеле принадлежали иностранному капиталу. Рыбной промышленности в буржуазной Литве не было вовсе (низкие уловы единоличников, добывавших рыбу кустарным способом), а в советском народном хозяйстве появилась целая отрасль [7, 1955, 23 янв., с. 3] (в 1954 г. клайпедскими рыбаками было добыто рыбы в 20 раз больше, чем в 1937 г. во всех водоемах буржуазной Литвы [7, 1955, 1 февр., с. 3]). В Куршском заливе в досоветский период не проводились никакие «научные исследования по рационализации рыбного хозяйства», напротив — хищническое хозяйствование приводило к сокращению рыбных запасов; «совершенно по-иному обстоит дело в социалистической системе хозяйства» [7, 1952, 19 сент., с. 3]. Строительство в «годы господства буржуазии» велось вручную — «рабочие на своих плечах носили... кирпич, цемент, лесоматериал»⁷; строительство в социалистической Литве ведется с широким применением башенных кранов [7, 1955, 12 июля, с. 3].

Об успехах механизации при советской власти свидетельствовал в портовой стенгазете и крановщик морского порта Гульбинас, делясь воспоминаниями о том, «как порт выглядел раньше и какие изменения произошли в последнее время. В своей заметке т. Гульбинас говорит о том, что в 1938 году ему приходилось видеть группы рабочих, ожидающих на бирже труда хоть какой-нибудь работы, о том, что в то время уголь и другие грузы с судов разгружались вручную. Об охране труда, отдыхе рабочих тогда никто не заботился» [7, 1955, 5 авг., с. 2].

Летом 1956 г. в газете подводились итоги экономического развития края к 16-летию «восстановления советской власти»: «Если за десятилетие 1929—1938 гг. число промышленных предприятий Клайпеды сократилось на 28, или на 16,6 процента, то за послевоенное десятилетие выросли в городе такие по существу новые отрасли народного хозяйства, как рыбная, судоремонтная и судостроительная промышленность, получили широкое развитие предприятия бумажной и деревообрабатывающей, текстильной и пищевой промышленности, а также морские ворота Литвы — Клайпедский торговый порт» [7, 1956, 21 июля, с. 1].

Сравнения в социальной сфере также были в пользу нового режима (впрочем, сопоставлялись абсолютные показатели без учета различий в численности населения⁸). В «годы буржуазного господства» во всем Клайпедском крае насчитывалось 4 гимназии (1307 учащихся)⁹, а в 1955 г. только в Клайпедском действовало 8 средних школ, 4 средних школы ра-

⁷ «"Злой мачехой" называли рабочие-литовцы Клайпеду», — писала газета в 1947 г. о событиях десятилетней давности [7, 1947, 31 дек., с. 3].

⁸ Впрочем, в 1947 г. секретарь горкома партии С. Юргинис проговорился: «Уже сейчас в Клайпедском живет больше людей, чем до войны» [7, 1947, 20 июля, с. 2].

⁹ В интервью с председателем городской плановой комиссии по случаю 10-летия советской Клайпеды уточнялась дата — 1937 г. [7, 1955, 1 янв., с. 3]. Странно, что сравнение с буржуазным периодом коснулось только образования; данные по товарообороту торговли, обороту предприятий общепита и расходам на здравоохранение сопоставлялись с 1945 или 1950 г.

бочей молодежи, 7 семилетних и 7 начальных школ, спецшколы, учительский институт и педучилище (всего 13 тыс. учащихся) [7, 1955, 19 янв., с. 3]. На косе не было ни одного врача, так что жители рыбацких поселков были незащищены перед эпидемиями и голодом, но все изменилось после прихода советской власти [7, 1956, 24 июля, с. 3]. В современной историографии обсуждаются меры, принимавшиеся властями в 1933–1938 гг. с целью интеграции Клайпедского края в Литву (строительство Жемайтийского шоссе, учреждение высших школ в Клайпеде, организация Праздников моря и т. п.), однако подчеркивается, что прогермански настроенная местная элита в условиях автономии свела усилия литовских властей на нет [4, с. 163–164].

Апелляции к личному опыту клайпедчан встречались редко. Публиковались письма коренных жителей об их детстве и юности в Клайпеде, а также о выселении в 1939 г. [7, 1946, 10 февр., с. 1; 1948, 22 янв., с. 3]. Р. Гричайтене вспоминала о том, как уехала из родной Клайпеды в Крегину после отторжения города от Литвы гитлеровцами, а с началом войны – в Иваново. Поступив в добровольцы, она стала санитаркой и приняла участие в освобождении Клайпеды в январе 1945 г. («Ведь это был мой родной город, в котором провела детство и юность» [7, 1955, 28 янв., с. 2]). Потрясенная картинами разрушенных кварталов, участница войны приехала в июле 1945 г., чтобы восстанавливать город. Другой свидетель – 87-летний рыбак Пугялис, старейший рыбак Неринги, с более чем 70-летним стажем труда в море и заливе: «Плохая у нас была жизнь раньше, – рассказывает рыбак. – Для того чтобы выйти в море, надо иметь лодку. А ее приобрести не всем позволял карман. Иной так и провел всю жизнь поденным рабочим или испольщиком. Да и лодки были только парусные. Утих на заливе ветер – и добираться до берега на веслах». Мрачным голосом рыбак рассказывает о прошлом – как сами рыбаки, добыв рыбу, ее обрабатывали, возили ее за полсотни километров в Клайпеду на базар... Вдруг лицо Микаса Пугялиса начинает прясняться. Он вспомнил ту великую перемену, которая совершилась в Ниде при Советской власти» [7, 1955, 22 июля, с. 3].

Опорой первой системы значений, естественно, выступали в первую очередь советские переселенцы, особенно партийные работники. Многие из последних, как отмечает Е.Ю. Зубкова, мыслили строго в русле классового подхода. Исследовательница цитирует выступление секретаря Клайпедского горкома партии Н. Шилина на пленуме ЦК КП(б) Литвы в июле 1945 г.: «Нам нечего беспокоиться об учете национальных особенностей, наша задача – проводить революционную линию» [1, с. 157]. Шилина вскоре освободили от должности: сталинская национальная политика в прибалтийских республиках была ориентирована на поддержку авторитета республиканских лидеров в глазах местного населения, а это требовало, в частности, гибкой языковой политики. Инициативы по переводу всего официального делопроизводства только на русский язык в ЦК ВКП(б) поддержки не находили [1, с. 159], хотя в Клайпеде рассматриваемого периода большая часть документации оформлялась на русском языке [12, s. 78].

Гибкая языковая политика развивалась в пандан политике памяти: вторая выделенная В. Сафроновасом система значений опиралась на

символы национальных культур – русской и литовской, адаптируемых к советской идеологии. Русский элемент в истории Клайпеды было выделить трудно, потому что русских «мест памяти» было крайне мало. В газетных публикациях царский режим критиковался редко; изредка упоминалось, что царизм представлялся общим врагом для русского и литовского народов [7, 1950, 13 дек., с. 2], но очевидно, что в клайпедской истории роль самодержавия была ничтожной.

Обычной практикой было переименование школ или улиц бывшего Мемеля в честь деятелей русской культуры и военной истории (Н. В. Гоголь, М. Горький, П. С. Нахимов и др.) без привязки к местному нарративу. Одна из немногих попыток сконструировать русское «место памяти» в Клайпед-е с опорой на историю города касалась А. В. Суворова. К столетию со дня его смерти советские газеты опубликовали мемориальные материалы. В номере «Советской Клайпеды» от 18 мая Суворову уделялась полоса, потому что он, по мнению авторов газеты, в 1756 г. был комендантом Мемеля. Ту же дату называл старший преподаватель учительского института т. Юшкайтис, прочитавший лекцию о Суворове («С особым интересом студенты слушали сообщение, что в 1756 году великий полководец А. В. Суворов был комендантом Клайпеды» [7, 1950, 18 мая, с. 3]). Источник ошибки не очень понятен, но тремя днями позже газета перепечатала из «Советской Литвы» материал Г. Метельского «А. В. Суворов в Литве». В нем ошибка в дате была исправлена, хотя изложение пребывания молодого русского офицера в Мемеле отличалось сумбурностью: рассказывалось, как в 1757 г. его назначили обер-провиантмейстером Мемеля. «Перед будущим полководцем стояла цель – снабдить провиантом армию взявшего Мемель генерал-аншефа В. В. Фермора, используя для этого реки края. В следующем, 1758 году, Суворов участвовал в формировании в Лифляндии и Курляндии 17 батальонов для воевавших в Пруссии пехотных полков, которые потом он и привел в Пруссию... Пал Кенигсберг и другие центры Восточной Пруссии. Суворов получил предписание стать комендантом Мемеля» [7, 1950, 21 мая, с. 2]. Эту должность он оставил в 1759 г., когда «начался славный путь великого полководца»¹⁰.

Однако признаков того, что А. В. Суворов снискал какую-то особую популярность в Клайпед-е, нет, как нет и других апелляций к русской традиции, вписанной в городскую историю. Зато в разных аспектах раскрывалась национальная история. Клайпеда постоянно определялась в публикациях как исконный литовский город. Неоднократно подчеркивалось, что впервые при советской власти произошло воссоединение исконных литовских земель от Вильнюса до Клайпеды. Упоминалось единство народов в Грюнвальдской битве 1410 г., когда русские полки действовали совместно с войсками Витовта, громя крестоносцев [7, 1950, 13 дек., с. 3]. Впрочем, героизация Грюнвальда имела и ограничения: попытка городских властей Клайпеды в 1947 г. присвоить гимназии №1 имени князя Витовта, опиравшаяся помимо прочего на

¹⁰ Суворовская тема не получила развития в Клайпед-е: в 1955 г. к 225-летию А. В. Суворова в газете был опубликован небольшой материал о сохранении памяти полководца... в Молдавии [7, 1955, 25 нояб., с. 2].

констатацию его исключительной роли в победе над немцами в 1410 г., провалилась [12, s. 79; 6, с. 236–237]. Несмотря на то что, по замыслу инициаторов, этот образ должен был напоминать ученикам о цене обороны советской Литвы от «вечных немецких врагов», гимназии было даровано другое — политически безупречное — имя Кристионаса Донелайтиса (впрочем, в Клайпеде появились улицы и Витовта, и Донелайтиса).

Фигура Донелайтиса, которая олицетворяла Малую Литву, пользовалась в Клайпеде особым вниманием. В 1947 г. газета перепечатала сообщение об экспедиции профессора Пакарклизиса в Калининградскую область; в ходе розысков были найдены уникальные материалы по истории литовской литературы, включая документы времени жизни Донелайтиса и экземпляр книги Бреткунаса (XVI в.) [7, 1947, 26 авг., с. 1]. В январе 1954 г. в номере, приуроченном к 240-летию основоположника литовской литературы, описывался урок литературы в 8-м «б» классе клайпедской школы №1. Ученики сравнивали политическое и экономическое положение Литвы и Пруссии в XVIII в.; учительница напомнила классу о том, что это столетие оказалось временем распада феодализма, развития капиталистических отношений, а «край пережил трагический период колонизации и онемечивания», когда немецкие колонисты жестоко эксплуатировали крепостных литовцев [7, 1954, 6 янв., с. 3]. Не так глубоко преподносила тот же материал учительница 8-х «а» и «ц» классов, ученики которых не догадались подчеркнуть реакционный характер религиозной литературы, а также засорение литовского языка иностранными словами вследствие преклонения сановников и ксендзов перед буржуазной культурой Запада.

К биографии поэта газета вернулась в 1955 г.¹¹, опубликовав большой биографический очерк Л. Гинейтиса. Автор рассказал о рождении Донелайтиса в бедной семье, проживавшей в деревне Лаздинеляй Румбиненского (правильно — Гумбинненского) уезда Восточной Пруссии. В силу выдающихся способностей Кристионас поступил в университет в Караялячюсе (ныне Калининграде; топоним *Kёнигсберг* автором не использовался); затем до смерти он служил пастором в Тольминкемисе [7, 1955, 18 февр., с. 3]. Подчеркнута была также роль профессора Караялячюского университета Л. Резы в издании «Времен года», а также то обстоятельство, что широкое распространение творчество Донелайтиса получило только при советской власти. Другой автор газеты позднее вписал жизнь поэта в контекст классовых противоречий периода зарождения капитализма в недрах феодальных отношений: обострение классовой борьбы, отсталость и деспотизм Пруссии, германизация края — таков был фон развития творчества Донелайтиса. Донелайтис в этих условиях представлял как неоднозначная фигура — «личность большой души», защищавший крестьян от классовых врагов, но не покорный протестантский пастор, хотя де-факто он «сам служил орудием в созданной феодализмом машине эксплуатации» [7, 1955, 2 марта, с. 2].

Другим объектом коммеморации стал Мажвидас — в 1947 г. отмечалось 400-летие литовской книги, причем газетный очерк был полон

¹¹ Мероприятия к 175-летию со дня смерти Донелайтиса были предусмотрены постановлением бюро ЦК КП Литвы [7, 1955, 18 февр., с. 3].

умолчаний: «...исполняется 400 лет со времени издания первой литовской книги Мартинаса Мажвидаса “Простые слова катехизиса”... Выход в свет этой книги положил начало литовскому книгопечатанию. Центром его в XVI столетии становится коренная Литва, где уже к тому времени в Вильнюсе, Кедайняе и Вевисе существовал ряд типографий» [7, 1947, 1 авг., с. 2]. Кёнигсберг как место издания первой литовской книги в статье не упоминался. Традиционные инвективы в адрес царизма завершались апологией сталинской Конституции, при которой происходило развитие «культуры литовского народа – национальной по форме, социалистической по содержанию» [7, 1947, 1 авг., с. 2]. Впрочем, в декабре 1947 г. из юбилейного очерка можно было почерпнуть, что Мажвидас составлял книгу, будучи студентом Кёнигсбергского университета, а книги долгое время выходили только в Восточной Пруссии. Собственно, самому первопечатнику уделялось не очень много внимания на фоне драматичной истории литовского национально-освободительного движения [7, 1947, 11 дек., с. 3].

В. Сафроновас выделяет также третью систему значений – локальную, ориентированную на сохранение специфической городской памяти. Публикации в газете позволяют проследить, как она формировалась. Датой основания города Клайпеды бесспорно признавался 1252 г. [7, 1953, 21 окт., с. 2], хотя она и относилась к замку, принадлежавшему враждебной культуре (правда, в публикациях газеты 1952 г. не обнаружено признаков какой-либо коммеморации основания города, в то время как каждый год газета в конце января напоминала об освобождении города в 1945 г.).

Примирение с чужим материальным наследием также происходило быстрее, чем у соседей. Как и в Калининграде, в Клайпедке новым жителям приходилось на первых порах селиться в зданиях довоенной постройки. Немецкие памятники быстро были снесены, а вот многие здания в условиях послевоенного дефицита ресурсов уцелели. На страницах газеты признавалась специфика Клайпедского края, входившего в свое время в состав германского государства, по сравнению с другими литовскими регионами. Для характеристики этих сооружений порой, как и в калининградской печати, использовались эвфемизмы («здания, сохранившиеся со старых времен» [7, 1953, 21 окт., с. 2]).

Однако официальный дискурс о прошлом не постулировал эстетическую неприемлемость немецкой архитектуры, как это зачастую было характерно для Калининграда первых послевоенных лет. Публикация в газете фотографий зданий довоенной постройки (Клайпедский учительский институт и др.) не возбранялась. Довоенная застройка в городе относилась к XIX–XX вв., и главный архитектор города констатировал наличие зданий, построенных «в готическом стиле, свойственном для многих немецких городов», а также «в стиле ренессанса» (очевидно, имея в виду неоренессанс) [7, 1953, 21 окт., с. 2]¹². Правда, он утверждал,

¹² Исследовательница в этой связи отмечает, что «в Клайпедке зодчие не были столь однозначны в своих суждениях по отношению к старой архитектуре, как в Калининграде» [3, с. 161]. В целом характеристику градостроительства в послевоенной Клайпедке см.: [3, с. 131–162].

что ряд типовых зданий «в стиле модернизма и конструктивизма» не представлял архитектурной ценности, но это суждение означало, что более ранние здания такую ценность имеют. Немецкая застройка признавалась хаотичной и стихийной в силу особенностей капиталистического строя («сеть кривых и узких улиц, сплоченность застройки, большой процент застройки участков»), но задачи охраны памятников, которая велась неадекватно и бессистемно, однозначно ставились перед властями [7, 1955, 10 авг., с. 3].

Симптоматично стихотворение В. Реймериса о школе в «замке бывшего поместья» [7, 1947, 24 авг., с. 3; 1952, 1 июня, с. 3]:

Красивый замок на пригорке
И россыпь хат у озера,
Где много песен горьких-горьких
Пропела скрипка батрака...
Красивый дом стоит в порядке.
В нем нет господ. В нем пионер
На школьной синенькой тетрадке
Выводит в ряд: ЛССР.

105

Смена политического режима не поставила под сомнение эстетическую ценность объектов наследия, и это обстоятельство отличает клайпедский случай от соседнего Калининграда.

Можно было ожидать, что политика памяти в двух регионах будет иметь много сходств — людям приходилось жить и трудиться в культурном ландшафте, сохранявшем отчетливые приметы прошлой принадлежности. Однако если в Калининградской области большинство переселенцев составляли русские и политика памяти была ориентирована на их социокультурную адаптацию в заведомо чуждой среде, то в Клайпедском крае проблема оказалась сложнее. Необходимо было выстроить, с одной стороны, нарратив об исконно литовской Клайпедe, то есть представить процесс послевоенной реконструкции как возвращение земель хозяевам (см.: [10, S. 187]), а с другой — нарратив должен был опираться на идею славянско-литовского единства в борьбе против общего врага — немцев. Во втором случае органично вводилось понятие Малой Литвы, зарождался локальный нарратив, отвечавший третьей системе значений и оформившийся в общих чертах, как показывают материалы газеты, уже в конце 1940-х гг.

Литуанизация нарратива о прошлом города началась уже во второй половине 1940-х гг. в стихотворении Л. Обуховой «Клайпеда», опубликованном в 1946 г., истоки локальной истории описывались так: «Здесь семь веков назад из племени куршан пришли и сеть докинули до света. Так город встал у самых волн морских и назван был — Клайпеда» [7, 1946, 27 янв., с. 3]. Захват «тевтонской ордой» привел к многочисленным несчастьям этой земли, и только сейчас «наступило время возрождения, рассвета лучезарного Литвы». Поэтизация трагического прошлого («ты, как от матери дитя, была оторвана врагами») сменялась в стихах В. Галкина мажорной тональностью («упрямые большевики Клайпеду к жизни возрождают») [7, 1946, 23 февр., с. 4].

В редакционной заметке 1948 г. сообщались невероятные сведения, будто первые упоминания летописей о Клайпеде относятся к X—XI вв. Далее субъект действия обезличивался: «Его (город. — И. Д.) сжигали, эксплуатировали только как выгодный морской порт, нисколько не заботясь о развитии города... Город имел только узкие улочки, сухие, пыльные, без единого деревца» [7, 1948, 4 апр., с. 2] и, наконец, был «дотла» разрушен фашистами. Другой любопытной разновидностью канона был очерк, в котором читателю сообщалось, что «прусская деревня Клайпеда» была населена пруссами — одним «из наиболее многочисленных племен» [7, 1947, 23 дек., с. 2]. Захвативший эти земли Тевтонский орден поставил на месте деревни крепость Мемельбург. Нарратив об истории Мемельбурга охватывал все основные события: Реформацию, Семилетнюю, наполеоновские и Первую мировую войны, восстание 1923 г., аннексию 1939 г. и штурм 1945 г. «Ныне древний город-порт на Балтике принадлежит истинному хозяину — литовскому народу» [7, 1947, 24 дек., с. 2].

В анонимном очерке руины Клайпедской крепости, построенной в 1252 г. Ливонским орденом, описывались как «свидетели многовековой борьбы литовских и славянских народов с германскими агрессорами» [7, 1956, 25 нояб., с. 3]. Впоследствии он был перестроен на другом месте, а рядом с ним появились жилые дома — «зародыш города Клайпеды». Объект набегов литовцев, а потом нападений шведов в XVII в., замок был взят русскими войсками в 1757 г., после чего больше не имел военного значения. Таким образом, история литовского города естественно выводилась из обстоятельств возведения орденского замка.

Второй материал «Чье имя присвоено центральной улице» за авторством М. Бальчюнайте, директора Клайпедского краеведческого музея, был посвящен Генриху Монте [7, 1956, 5 авг., с. 2]. Последний характеризовался как «один из прусских вождей, который боролся и погиб, защищая родную землю от полчищ крестоносцев» во время восстания 1260—1274 гг. Подробный биографический очерк, основанный на скудных свидетельствах источников, описывал успехи Монте в борьбе против крестоносцев, в том числе взятие Кройцбургского замка после неудачи в осаде Каралячюсского замка (топоним *Kёнигсберг* автором не использовался). Повстанцам пришлось бороться с мощной коалицией, в которую входили немецкие феодалы, папство, чешский король. Трагическая гибель Монте оценивалась в контексте борьбы литовцев за независимость: «Героическое прусское восстание... продолжительное время было важнейшим препятствием агрессии ордена» против феодального Литовского государства. Имя Монте в годы кайзеровской и фашистской оккупации служило литовцам символом борьбы против агрессоров, поэтому оно и сегодня чтимо литовским народом, как указывалось в статье.

Таким образом, к середине 1950-х гг., судя по газетным материалам, оформился и начал утверждаться локальный нарратив о прошлом Клайпеды, в рамках которого жителям предлагался способ символического присвоения чужого наследия (потом, как показано в работах В. Сафроноваса, он на некоторое время исчез, чтобы вернуться в 1970—1980-х).

На фоне слабых попыток сконструировать русские «места памяти» местные власти обратились к образу Малой Литвы, в котором удалось соединить мотивы возрождения национальной культуры и борьбы с немецкой традицией, которая была враждебна вдвойне — как в классовом, так и в этнокультурном отношении. Этот «мемориальный компромисс» опирался на привычное для советской системы воспроизведение идеологем (редкие апелляции к личному опыту людей служили исключительно целям легитимации нового строя), поэтому, вероятно, он с легкостью вписался в рамки политики памяти в Советской Литве периода позднего сталинизма.

Последний вопрос, заслуживающий обсуждения, — характер сопротивления жителей Клайпедской области политической индоктринации и официальному дискурсу о прошлом. По мнению историков, ни культ личности, ни навязывание православия в первые послевоенные годы не находили опоры в политической культуре и менталитете литовцев, поэтому социальная база советского режима оказалась «узкой и условной» [2, с. 171].

Вопрос о сопротивлении официозу практически неразрешим в рамках изучения материалов советской газеты — следов борьбы там не обнаруживается. Критика отдельных недостатков советских деятелей, учителей, музейных руководителей встречается, но она не дает оснований полагать, что в описываемых случаях мы встречаемся с осознанным сопротивлением режиму. В газете публиковались материалы судебных процессов над участниками антисоветского подполья, однако не очень часто. Все же общее впечатление от жизни в области, создаваемое «Советской Клайпедой», было оптимистичным. И остается только догадываться, сознательно или нет с высокой долей двусмысленности был сформулирован один из скорбных откликов на смерть диктатора в марте 1953 г.: «На благо великой Родины. Умер дорогой товарищ Сталин...» (см. рис.).

Рис. «На благо любимой Родины. Умер дорогой товарищ Сталин...» [7, 1953, 14 марта, с. 3].

Список источников и литературы

1. Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008.
2. Лаукайтис Р. Советские и национальные ценности в послевоенной Литве: рычаги индоктринации общества, 1944–1953 г. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 г. : матер. VII междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 164–171.

3. Манюк Е. С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015.

4. Мачулис Д. Практики легитимации авторитарного режима в Литве в межвоенный период // Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 151–166.

5. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительной работы». 01.11.1944 // Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. М., 2010. С. 207–210.

6. Сафроновас В. О постижении восточнопрусского города после 1945 года. Соотношение его восприятий во всесоюзной, национальной, локальной системах значений на примере Клайпеды // Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje (=Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Т. 24). Klaipėda, 2012. S. 230–276.

7. Советская Клайпеда. 1945–1956.

8. Ченайтене Р. Политика памяти в сталинской Литве: между «советским» и «национальным» // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. М., 2015. С. 172–182.

9. Safronovas V. Przeszłość jako źródło konfliktu. Konkurencja ideologii tożsamości w Kłajpedzie XX wieku. Olsztyn, 2012.

10. Safronovas V. Symbolic appropriation of a Baltic city: on the peculiarities of Klaipėda in comparison with Kaliningrad and Olsztyn (1945–1990) // Stadtgeschichte des Baltikums oder baltische Stadtgeschichte? Annäherungen an ein neues Forschungsfeld zur baltischen Geschichte / Hrsg. H. Hein-Kircher, I. Misāns. Marburg, 2015. S. 187–199.

11. Safronovas V. Population of the Klaipėda region and the balance of power in the Eastern Baltic region, 1919–1960 // Population displacement in Lithuania in the twentieth century. Experiences, identities and legacies / ed. T. Balkelis, V. Davoliūtė. Leiden, 2016. P. 91–111.

12. Vareikis V. Region Kłajpedy po II wojnie światowej // Pamięć i historia (Olsztyn, Kaliningrad, Kłajpeda) / pod red. T. Chrzanowskiego. Olsztyn, 2009. S. 68–83.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

Email: IDementev@kantiana.ru

About author

Dr Ilya Dementev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Email: IDementev@kantiana.ru